

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ ДРОНОВ

Институт славяноведения РАН, Москва
dronov839@gmail.com

**«ГРАММАТИКА ИЛЛИРСКОГО ЯЗЫКА» (1833)
И. БЕРЛИЧА КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН ЭПОХИ
«НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ»
У ЮЖНЫХ СЛАВЯН АВСТРИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

Аннотация: В статье рассмотрена «Грамматика иллирского языка» (1833) торговца, писателя и лингвиста Игнаца Алоиза Берлича (1795–1855) с исторической и культурологической точек зрения. Берлич занял особую нишу в движении иллиризма, являясь представителем интеллектуальной мысли Славонии и Военной границы. При этом он частично отказался от родной ему славонской лингвокультурной традиции в пользу более широкой «иллирской». Автор статьи пришел к выводу, что Берлич не собирался знакомить читателя книги с историей и культурой южных славян, однако предполагал, что по его грамматике будут обучаться «иллирскому» языку не только «немцы», но и его «земляки», для которых этот язык родной. Кроме того, в статье показано, что на первое издание «Грамматики» повлияло общение Берлича с Вуком Караджичем и Йернеем Копитаром, тогда как на второе – с Богуславом Шулеком, который, как установил автор статьи, с большой долей вероятности обучался хорватскому языку именно по пособию Берлича. Обращая внимание на то, что Берлич в предисловии к грамматике и ее переизданиям пытался решить проблему двух типов письменности «у одного народа», связывая их с конфессиональной принадлежностью, автор статьи предлагает ввести в научный оборот термин «письменно-графическая идентичность».

Ключевые слова: Берлич (Брлич), национальное возрождение, иллиризм, грамматика, Военная граница, Славония, Австрийская империя.

Первая половина XIX в. – период национального возрождения и создания литературных языков у народов Австрийской империи.¹ Поиск оптимальной языковой нормы побуждал образованных людей разных профессий к написанию грамматик и учебников.² Одним из таких пособий стала «Грамматика

¹ В 1800–1830-е гг. появились работы Йосефа Добровского (1753–1829) по грамматике и правописанию чешского языка, затем Йернея Копитара (1780–1844) – для словенского языка, Вука Караджича (1787–1864) – для сербского языка и, наконец, Людевита Гая (1809–1872) – для хорватского языка, которые окончательно оформили литературные стандарты этих языков. См.: Tolstoj 1981.

² Havanova 2020.

иллирского³ языка» писателя и лингвиста Игнаца Алоиза Берлича (1795–1855), изданная по-немецки в 1833 г. в Буде,⁴ а затем переизданная в Загребе в 1842 г.⁵ и 1850 г.⁶ Ее автор происходил из города Брод-на-Саве (совр. Славонски-Брод, Хорватия) в Славонии, имевшего статус «императорско-королевского свободного военного города» в составе Военной границы Габсбургской монархии.

В первой половине XIX в. Военная граница представляла собой отдельную милитаризованную территорию на юге Габсбургской монархии, управлявшуюся австрийским военным министерством и являвшуюся военным и санитарным кордоном на границе с Османской империей. Большинство населения этого региона было южнославянским, однако исторически важную часть офицерских кадров на Границе составляли немецкоязычные выходцы из других районов Габсбургской монархии. Согласно данным на 1837 г. австрийских статистиков М. Штопфера и К.Б. фон Хитцингера, все население Военной границы составляло 1.175.477 душ (с учетом Трансильванской границы)⁷ и включало в себя 837.161 «славян»⁸ (71,2%), 188.262 «валахов» (16%), 108.524 венгров (9,23%), 31.397 немцев (2,67%) и 10.133 «остальных».⁹ Нужно заметить, что абсолютно доминирующей религией в регионе было христианство, а крупнейшими конфессиями – католицизм и православие. Среди немецкого и венгерского населения при численном преобладании католиков имелись также общины протестантов (преимущественно лютеран и кальвинистов).

По итогам Великой Турецкой войны (1683–1699 гг.) Славония перешла под власть Габсбургов, а ее территория была со временем разделена на гражданскую и военную части. Результатами процесса постепенной инкорпорации Славонии в композитарную Габсбургскую монархию, стали, среди прочих, создание новых учебных заведений,¹⁰ а также усиление немецкого и венгерского культурных влияний через местную администрацию и переселенцев.¹¹ Однако одним из важнейших факторов было изменение положения католического населения Славонии. Попав под власть католических монархов из династии Габсбургов, оно превратилось в опору новой власти в регионе. В XVIII в. в Славонии началось «католическое обновление», которое сопровождалось изданием большими тиражами брошюр «славонского» правописания (так называемых «абэцевиц» на основе латинского алфавита) и

³ «Иллирским» в XVI–XIX вв. называли язык, на котором говорило южнославянское население запада Балкан и юга Центральной Европы.

⁴ Berlich 1833.

⁵ Berlich 1842.

⁶ Berlich 1850.

⁷ Hietzinger, Stopfer 1840: 43.

⁸ В статистиках первой половины XIX в. южнославянское население Военной границы ещё не разделялось на сербское и хорватское. Приводились данные по конфессиональному составу населения, однако в число православных попадали помимо сербов также и «влахи» (румыны), а в число католиков – помимо хорватов также, например, немцы-католики и т.д.

⁹ Hietzinger, Stopfer 1840: 47.

¹⁰ О школьной реформе Марии Терезии см.: Ninković 2012.

¹¹ Советский и российский историк В.И. Фрейдзон писал, что в XVIII в. «в Венгрии и в Хорватии немецкий язык распространился в дворянской и бюргерской среде». А сам «процесс германизации» имел «как стихийный, так и целенаправленный (политический) характер». См.: Frejdzon 1999: 37.

молитвословов с наставлениями в католической вере для широких слоев населения.¹² При этом православное славянское население Славонии и южной Венгрии, принадлежавшее Сербской православной церкви и обычно идентифицировавшее себя как сербское, тяготело к кириллической письменной традиции.¹³

Во второй половине XVIII в. в Броде-на-Саве на Славонской военной границе возникла местная лингвокультурная традиция. Отсюда происходили и здесь работали францисканский священник Блаж Тадиянович (1728–1797), граничарский офицер Матия Антун Релькович (1732–1798) и францисканский теолог и философ Мариян Ланосович (1742–1812), издавшие на немецком пособия и грамматики по изучению «славонского» языка.¹⁴ Следует заметить, что все трое были знакомыми деда и/или отца Игнаца Берлича, а следовательно, у последнего сформировалось особое к ним отношение как членам семейного круга общения и ярким представителям местной интеллектуальной элиты.

Игнац Берлич происходил из католической семьи, причем, его отец был синдиком (судебным уполномоченным) во францисканской провинции Босна Сребрена, поэтому и сам Игнац в течение жизни поддерживал тесные контакты с боснийскими францисканцами.¹⁵ Он окончил сначала школу при францисканском монастыре в родном Броде-на-Саве, затем гимназию в Пожеге, а после учился торговому делу в Вуковаре. Важную роль в его личностном становлении сыграло домашнее образование, привившее ему любовь к родной славонской культуре, славонским писателям XVIII в. и в целом к родному краю. Берличи занимались торговлей и имели лавку в Броде-на-Саве, причем, Игнац преуспел в собирании книг, поэтому при семейной лавке смог открыть даже первый в его городе книжный магазин (в 1822 г.). Со временем Берлич стал известен как издатель, публицист, лингвист, переводчик с немецкого и латыни, а также собиратель южнославянского фольклора. Кроме того, он включился в общественно-политическую деятельность и стал активным участником движения иллиризма эпохи «национального возрождения» у южных славян.

Целью статьи является культурологический анализ введения и учебных текстов «Грамматики» Берлича для поиска ответа на вопросы, как автор понимал иллиризм, а также какие задачи он ставил перед книгой. В статье реконструируются взгляды Берлича в рамках «национального возрождения» и причины написания и переиздания «Грамматики», а также включения в нее некоторых учебных текстов. В задачи статьи не входит лингвистический анализ основной (грамматической) части книги, особенностей «иллирского» языка или его графики, предложенной Берличем. Вместе с тем статья является первой попыткой рассмотреть заявленную тему в российской историографии.

¹² Vončina 1984: 454.

¹³ См.: Novaković 1869; Mihailović 1964.

¹⁴ См.: Thaddianovich 1766; Relkovich 1767; Lanosovich 1778. Из славонских сербов подобную грамматику, но для сербского языка («Иллирска словница») издал в 1779 г. Стефан Вуяновский (1743–1829).

¹⁵ О францисканцах Босны Сребрены см.: Pranjković 2000.

1. Понимание иллиризма Берличем в предисловиях его грамматик и проблема двух типов письменности

В предисловии к третьему изданию «Грамматики» (датировано серединой июня 1849 г.) Игнац Берлич вспоминал, что «31 год назад ощутил непреодолимое желание познакомиться с грамматикой родного языка».¹⁶ В ходе несложных вычислений можно установить, что в данном воспоминании речь идет о 1818 годе. При этом о причинах написания собственной грамматики сам Берлич давал две версии.

В том же предисловии 1849 г. автор сообщал, что «не нашел ни одной удовлетворительной книги», а потому решил сам написать для собственного пользования «славянскую грамматику для нашего диалекта», которая «всегда была бы под рукой».¹⁷ Тогда как в предисловии к первому изданию «Грамматики» (1832) Берлич признавался, что изначально хотел просто переиздать грамматику Рельковича, но затем решил сам погрузиться в лингвистические тонкости, познакомиться с авторами похожих трудов как среди южных славян, так и других народов и стран. Расширив свой кругозор, Берлич принял решение «переработать» грамматику Рельковича.¹⁸ Более того, он указывал, что на написание книги его вдохновило литературное творчество Рельковича и другого славонца – Антуна Канижлича (1699–1777).¹⁹ Сопоставив эти версии, можно заключить, что для Берлича в 1849 г. Релькович уже не являлся тем авторитетом, каким он предстает в тексте 1832 г.

Для составления новой грамматики Берлич привлек выше упомянутые труды Рельковича и Ланосовича, работы по кодификации «иллирского» языка славянских и итальянских авторов XVIII – начала XIX в., а также сербского (Мразович, Караджич и др.) и словенского (Копитар, Метелко и др.) языков. Кроме того, он ознакомился с учебниками русского, чешского и польского языков, написанными на немецком.²⁰ Таким образом, для подготовки грамматики Берлич ориентировался в том числе на пособия по изучению славянских языков для иностранцев и в первую очередь – немцев.

Изначально Берлич назвал свою книгу «Славонская грамматика» („Slavonische Sprachlehre“). Однако, когда работа над текстом была уже завершена, автор решил заменить лингвоним «славонский» в названии на «иллирский». В письме Вуку Караджичу от 23 мая 1832 г. Берлич объяснил сербскому коллеге, что такую идею ему предложил Копитар.²¹

Под названием «иллирский язык» Берлич понимал «боснийский, далматинский, герцеговинский, иллирский и сербский в Венгрии, ликский, черногорский, рагузинский, сербский в Сербии, славонский и сремский языки».²² На

¹⁶ Berlich 1850: III.

¹⁷ *Ibid.*

¹⁸ Berlich 1833: V.

¹⁹ *Ibid.*: X.

²⁰ Берлич упоминал, в частности, работы Йосефа Добровского и Франца Новотного, «Польскую грамматику для немцев» (1818) Георга Самуэля Бандтке и учебник русского языка для немцев (1816) Самуэля Вельцдина. См.: Berlich 1833: VI–VII.

²¹ Vukova prepiska 1910: 143.

²² Berlich 1833: III.

основе такой лингвистической географии можно предположить, что автор этим перечислением не только показывал читателю регионы, где жили носители «иллирского языка», но и потенциальную славянскую аудиторию грамматики. Очевидно, что подразумевалось не только обучение иностранцев местному славянскому языку, но и, собственно, немецкоязычных представителей южнославянского населения в означенных границах – родному славянскому (как это было, например, у Добровского и Копитара, писавших на немецком для не знавших или забывших родной язык соотечественников). Кроме того, изменение названия грамматики явно давало понять, что автор решил предложить свой вариант кодификации языка, включая и свой вариант алфавита, для всего южнославянского населения в перечисленных им уже в самом заглавии книги регионах.

Характерно, что в книге Берлича в предисловии есть отдельное обращение к «соотечественникам» («землякам»). Оно датировано 22-м мая 1832 г., то есть за день до упомянутого выше письма Берлича Караджичу. Также это обращение имеется в переиздании книги 1842 г. Центральным вопросом, который разбирал Берлич в этой части введения, было существование одновременно кириллического и латинского вариантов письма «для одного и того же языка». ²³ Берлич пояснял, что выбор письма обычно зависел от вероисповедания, к которому принадлежит носитель языка: для православных это кириллица, а для католиков – латиница. Автор указывал на наличие двух видов письменности как на недостаток, отсутствующий у других европейских народов, которые, несмотря на внутреннее деление на разные конфессии, всё равно пользуются единым видом письма. ²⁴

Позиция Берлича по решению обозначенной им проблемы двух типов письменности формировалась у него в процессе написания грамматики. По-видимому, наибольшее влияние на взгляды Берлича оказали Караджич и Копитар, с которыми он активно общался письмами, а иногда и виделся вживую. В середине 1820-х гг. Берлич познакомился с грамматикой сербского языка (1814) Караджича в немецком переводе (1824) Якоба Гримма (1785–1863). ²⁵ С этого момента Берлич стал симпатизировать лингвистической деятельности Караджича, а предложенный им тип письменности (вуковицу) считать лучшим для «иллирского» языка. Сразу после «открытия» для себя трудов сербского лингвиста, Берлич завязал с ним переписку, в ходе которой быстро перешел со «славонской» латинской графики на вуковицу.

Позиция Берлича основывалась на нескольких убеждениях. Во-первых, он изначально выступал за реформу письменного сербского языка, который, по его мнению, содержал большое количество «кириллизмов» (слов из церковнославянского языка) и русизмов. ²⁶ Во-вторых, его не совсем устраивал и «язык католиков», которые «с XV в.» не были под влиянием церковнославянского языка, однако переняли слова из латинского и немецкого языков. ²⁷ В-третьих, под влиянием Караджича он стал сторонником концепций словацкого и чешского слависта Павла Йосефа Шафарика (1795–1861),

²³ *Ibid.*: XII.

²⁴ *Ibid.*

²⁵ Grimm 1824.

²⁶ Berlich 1833: XIV.

²⁷ *Ibid.*

считавшего всех говоривших на штокавском диалекте южных славян одним народом, а их древней письменностью – кириллицу,²⁸ а также Йосефа Добровского, который церковнославянский, русский и «иллирский» языки относил к «кириллическим», а языки западных славян (польский, чешский, словацкий и лужицкие) – к «латинским».²⁹ В-четвертых, новый алфавит для сербского языка, предложенный Караджичем, в глазах Берлича имел два преимущества: был фонетическим и представлял собой вариант, на его взгляд, ближе латинице, нежели церковнославянская азбука.³⁰ Таким образом, вуковица виделась Берличу как возможный вариант общей письменности для католических и православных южных славян.

Тем не менее, в предисловии к первому изданию «Грамматики» Берлич не предлагал сделать выбор в пользу одного из двух алфавитов. С одной стороны, он восхищался политикой австрийского императора Франца I, благодаря которой «на всей Военной границе почти в каждой деревне были созданы национальные школы», в которых «ребёнок легко мог освоить наряду с латинским и немецким также и кириллический национальный алфавит».³¹ С другой стороны, он писал, что «если бы католики хотя бы немного читали книги, написанные православными («греческими иллирами») и, наоборот, православные читали бы книги католиков, то от этого всем была бы польза».³²

В предисловии к третьему изданию «Грамматики» (датировано серединой июня 1849 г.) Берлич еще определеннее высказался в поддержку вуковицы, назвав ее «единственным путем к нашему спасению».³³ Он считал, что у южных славян «национальность, язык и литература будут процветать», если они станут «вне зависимости от вероисповедания настоящими братьями одного племени, одного языка и одной литературы».³⁴ Здесь чувствуется влияние на автора событий 1848–1849 гг. в Австрийской империи. Кроме того, такое объединение Берлич обосновывал малочисленностью южных славян, видимо, относительно окружавших их крупных народов, таких как немцы, венгры, итальянцы, турки и т.д.

В качестве общего названия для южных славян, начиная еще от предисловия к первому изданию «Грамматики», Берлич предлагал «нашинцы» („našinci“), а для языка – «нашки» („naški“, „naschki“).³⁵ Такой подход также доказывает ориентирование грамматики Берлича на максимально широкую южнославянскую аудиторию, т.к. в первой половине XIX в. сторонники терминов «иллирский» и «нашки» для названия языка пытались найти такие лингвонимы, которые были бы приемлемы как для сербов, так и для хорватов, а также других южнославянских идентичностей.

²⁸ См.: Šafařík 1826.

²⁹ Berlich 1842: XVIII; *Id.* 1850: IX–X.

³⁰ Для Берлича понятие «сербская грамматика» прочно ассоциировалось со славяносербским письменным языком, который он не любил, поэтому поначалу он не придал значения выходу в свет грамматики Вука Караджича. Однако знакомство с трудами последнего настолько впечатлило Берлича, что вуковица показалась ему алфавитом, компромиссным с латиницей. См.: Berlich 1833: VII–VIII.

³¹ Berlich 1833: XIII.

³² *Ibid.*: XIV.

³³ Berlich 1850: XV.

³⁴ *Ibid.*

³⁵ Berlich 1833: V.

Можно заключить, что от начала написания грамматики до предисловия к ее третьему изданию позицию Берлича в отношении направления национальной и языковой консолидации его южнославянских «земляков» определял выбор им в качестве ориентира этно-лингвистических взглядов Караджича, Шафарика и Добровского. При этом частичный отход Берлича от его родной католической славонской культурной традиции (маркерами этого стали изменение заглавия книги и исчезновение упоминаний о Рельковиче в предисловии 1849 г.) был вызван желанием сказать свое слово в рамках всего движения иллиризма, т.е. другими словами, выйти на общеюжнославянский уровень.

2. Проблемы изданий и адресаты «Грамматики» Берлича

Помимо рассмотренных выше Игнац Берлич называл ещё одну причину публикации им «Грамматики», рассказать о которой читателям он решил лишь в третьем издании. В 1828 г. новым католическим печским епископом стал барон Игнац Сепеши фон Недьеш (1780–1838). Вскоре после занятия епископской кафедры, согласно информации предисловия книги 1850 г., он «каким-то образом узнал», что Берлич в то время занимался написанием грамматики, и обратился к автору с просьбой предоставить ему рукопись книги, т.к. собирался «учить язык национального большинства в его диоцезе».³⁶ Причем, согласно Берличу, Сепеши предлагал издать его грамматику за епископский счет.³⁷ Далее сообщается, что в том же году Берлич передал епископу рукопись его грамматики (значит, в 1828 г. она уже была завершена!) и ожидал, что тот сам издаст её в епископской типографии, как они якобы договаривались.³⁸ Однако Сепеши так и не издал труд Берлича, поэтому последний решил напомнить о себе. Епископ ответил автору, что «в связи с введением венгерского языка в церкви и школах,³⁹ иллирское языковое пособие оказалось совершенно ненужным».⁴⁰ В таком ответе Берлич почувствовал подтверждение неравного положения «иллирского» языка с немецким и венгерским, а также того, что его родной язык считался «языком-изгоем» в государстве.⁴¹ Эту историю Берлич посчитал нужным открыто донести до читателя лишь в 1850 г., когда венгерская антигабсбургская революция была подавлена австрийскими и русскими войсками, а цензура на короткое время стала пропускать в публичное пространство критику венгерских светских и духовных властей.

Тем не менее, данная ситуация с отказом в издании «за ненужностью» послужила мотивацией для Берлича самому взяться за издание его книги, чтобы, по-видимому, доказать как лично Сепеши, так и всем, кто думал сходным образом, обратное – «нужность» его грамматики.

³⁶ Berlich 1850: III.

³⁷ *Ibid.*

³⁸ *Ibid.*

³⁹ В 1827 г. хорватский парламент (сабор) утвердил решение венгерского парламента 1825–1827 гг. о преподавании во всех школах королевства Хорватии и Славонии венгерского языка в качестве обязательного. См.: Kolak Bošnjak 2017.

⁴⁰ Berlich 1850: IV.

⁴¹ *Ibid.*: III.

Результатом издания книги лишь со второй попытки стало наличие двух предисловий, которые как бы наслаивались одно на другое. В заглавии книги Берлич говорилось, что «Грамматика» предназначена для немцев, а в первом предисловии уточнялось: для «офицеров, государственных служащих, священников, врачей, учителей или представителей иных профессий», для которых «знание национального языка крайне необходимо» в силу их проживания среди носителей «иллирского языка». ⁴² Тогда как далее шло второе предисловие (для «соотечественников»/ «земляков»). При этом данное разделение предисловия как бы на две части сохраняется и во втором издании книги.

Первое издание «Грамматики», согласно данным британского филолога Р. Оти, имело тираж 500 экземпляров. ⁴³ Однако на самих печатных экземплярах как первого, так и последующих изданий грамматики тираж не был указан. Следует заметить, что в самой книге количество тиража может быть завышено (иногда даже значительно), но Р. Оти, по его словам, нашел информацию в фонде «Семья Брлич» ⁴⁴ Государственного архива в Славонском-Броде, а если это так, то вряд ли автор грамматики стал бы указывать неверную цифру в своих документах.

На основе данных из фонда «Семья Брлич» Р. Оти писал, что из общего тиража «Грамматики» 66 экземпляров Берлич, по принятой в то время практике, ⁴⁵ разослал конкретным адресатам, ⁴⁶ в числе которых были не только его близкие единомышленники южнославянского происхождения как Караджич и Копитар, но и, например, уже упоминавшиеся выше чешский славист Павел Йосеф Шафарик, немецкий лингвист и фольклорист Якоб Гримм, а также польский филолог немецкого происхождения Георг Самуэль Бандтке. При этом из письма Берлича Караджичу от 22 марта 1833 г. следует, что первый собирался отправить по десять экземпляров «Грамматики» Караджичу и Копитару, но им лично предназначалось лишь по одному экземпляру, а остальные Берлич просил их отправить «наиболее достойным славянам, где бы они ни жили», на их усмотрение, но в первую очередь тем, кого автор упоминал в предисловии книги. ⁴⁷ Из дальнейшей переписки видно, что коллеги выполнили просьбу автора. Сам Берлич не забыл и старых знакомых еще времен его учебы в гимназии в Пожеге: по экземпляру он отправил одному из учителей и однокласснику. ⁴⁸

Сразу после выхода «Грамматики» (1833) Берлич столкнулся с критикой книги, в том числе со стороны даже тех, кто «не читал». ⁴⁹ Скоро на смену критике пришло молчание. Так, в письме Караджичу от 1 октября 1833 г. (через несколько месяцев после выхода книги из печати) Берлич жаловался, что о его «Грамматике» никто нигде не пишет, «как будто она проклята». ⁵⁰ Далее в письме он писал, что его книгу «хотя

⁴² Berlich 1833: III.

⁴³ Auty 1962: 9.

⁴⁴ О фонде «Семья Брлич» Государственного архива в Славонском-Броде см.: Lakić 2000.

⁴⁵ См.: Havanova 2015.

⁴⁶ Auty 1962: 9.

⁴⁷ Vukova prepiska 1910: 148.

⁴⁸ *Ibid.*: 157, 159.

⁴⁹ *Ibid.*: 151.

⁵⁰ *Ibid.*: 152.

бы наши попы просматривают, но и они молчат».⁵¹ Из письма также можно узнать, что он сам спрашивал мнение о грамматике у его знакомых священников и монахов-францисканцев.⁵² По-видимому, обращение к представителям католического духовенства, особенно францисканцам, осуществлявшим в том числе просветительскую деятельность, было вызвано желанием Берлича узнать у таких читателей, насколько его грамматика могла быть конкурентоспособна по влиянию, в первую очередь, на южнославянское население. Поэтому их вялую реакцию одобрения или молчание Берлич переживал как неудачу его книги.

Особое внимание Берлич уделял любым упоминаниям его книги в прессе и других печатных изданиях. Так, при встречах и в письмах он просил друзей и знакомых присылать ему экземпляры газет и журналов, где будет упомянута «Грамматика», т.к. в его родном Броде «не было литературной газеты», из которой он мог бы оперативно узнавать о таких статьях.⁵³ От лингвистов он ожидал так же, как и от представителей духовенства, получить отзыв, но уже более профессиональный, о его книге. Несмотря на первоначальное разочарование автора в том, что мало кто писал про его грамматику, из его писем Караджичу можно установить, что уже в течение года после выхода книги в прессе Австрийской империи появились критические отзывы о «Грамматике» Берлича,⁵⁴ при этом часть читателей-интеллектуалов заинтересовало авторское предисловие к книге,⁵⁵ рассмотренное выше. В дальнейшем книга Берлича также удостоивалась упоминаний и отзывов в печати.⁵⁶

Через три года после выхода в свет «Грамматики» Берлич начал издавать в Буде (где была напечатана и грамматика) «Новоучрежденный иллирский календарь, или Святодневник» („Novouređeni ilirski kalendar iliti Svetodanik“), который выпускался им с 1836 до конца его дней (1855), а затем какое-то время его сыном. Этот календарь стал продолжением традиции славонских народных календарей (один из календарей-предшественников выпускал и упоминавшийся выше Ланосович). Само длительное издание «Иллирского календаря» свидетельствует о его востребованности у южнославянского населения, а решимость издателя взяться за осуществление такого

⁵¹ *Ibid.*

⁵² *Ibid.*

⁵³ *Ibid.*: 148.

⁵⁴ Сам Берлич в декабре 1833 г. в переписке с Вуком Караджичем упоминал, что видел статьи о своей «Грамматике» в газете „*Veobachter*“ (скорее всего, имелось в виду литературное приложение к венской ежедневной газете „*Oesterreichischer Beobachter*“) и выходившей в Буде газете по теме образования „*Gemeinnützige Blätter zur Belehrung und Unterhaltung*“. См.: *Vukova prepiska* 1910: 154. Также сразу в 1833 г. рецензия на «Граматику» Берлича появилась в рубрике «Смѣсице» (обзор новых книг и статей) в газете австрийских сербов «*Serbskij ljetopis*». См.: *Serbskij ljetopis*, 3, 1833: 150–157.

⁵⁵ Например, сербский публицист и издатель первой сербской ежедневной газеты «Новине сербске» Димитрие Фрушич (1790–1838) обсуждал авторское введение в «Грамматике» Берлича с Вуком Караджичем. См.: *Vukova prepiska* 1907: 684. Также и анонимный автор рецензии в газете «*Serbskij ljetopis*» (см. примечание выше) сконцентрировался не на грамматической части книги, с которой, по его признанию, не успел ознакомиться, а именно на предисловии, на основе которого заключил, что книга Берлича должна называться «Сербская Грамматика», а не «иллирская». Кроме того, «всем сербам римско-католического закона» автор рецензии рекомендовал прислушаться к «благодетельным речам и мудрому совету родолюбивого Берлича». См.: *Serbskij ljetopis*, 3, 1833: 151, 157.

⁵⁶ См., напр.: *Der Oesterreichische Zuschauer*, 12 II. 1836; *Wurzbach* 1857: 147–148.

проекта косвенно подтверждает успешность «пробного камня» – грамматики.

В «Грамматике» Берлича осталась незавершенной грамматическая часть,⁵⁷ что он решил исправить в переиздании книги. Правда, если на первое издание «Грамматики» серьезное влияние оказало общение автора с Йернеем Копитаром и Вуком Караджичем, то на второе – с Богуславом Шулеком⁵⁸ (1816–1895), который в дальнейшем стал крупным хорватским филологом и публицистом. Их знакомство произошло примерно в конце 1838 – начале 1839 г., после того как последний приехал в ноябре 1838 г. в Брод-на-Саве к брату, служившему военным врачом в Бродском полку Военной границы.

В предисловии ко второму изданию «Грамматики» (датировано 20 августа 1842 г.) Берлич сообщал читателю, что многие «переработки и изменения» сделаны не столько им лично, сколько принадлежат перу его «друга Карла Богослава Шулека», который произвел «корректуру книги из особой любезности» к автору и «из любви к иллирской литературе».⁵⁹ Однако Шулек только по приезду в Брод-на-Саве начал учить хорватский язык, как это известно из его биографии. Поэтому можно предположить, что именно «Грамматика» могла стать одним из первых учебников Шулека, тогда как он, сам поучив язык по этой книге, мог сделать читательские замечания к тексту. Приняв критику такого ученика, Берлич, возможно, решил переиздать незавершенную грамматику и подключить к доработке текста самого Шулека.

Кроме того, по-видимому, из-за того, что Шулек с осени 1839 г. стал работать в Загребе печатником в типографии Франца Зуппана⁶⁰ (1783–1847), именно туда Берлич и отдал в печать второе издание «Грамматики». В пользу этой версии свидетельствует письмо от 26 января 1842 г. Игнаца Берлича его старшему сыну Андрии Торквату (1826–1868), учившемуся тогда в Загребе, где отец кратко сообщал сыну о помощи Шулека в издании его книги и о доверии такого дела только этому человеку: «Если он (Шулек – *А.Д.*) мне не оформит грамматику, то не отдам ее никому другому в руки».⁶¹ Берлич характеризовал Шулека как «очень способного и трудолюбивого, отлично умеющего делать правку [текста]».⁶² Поэтому, узнав о том, что Шулек не ладит с Зуппаном и может уйти из типографии, Берлич стал опасаться, что его друг не успеет издать грамматику, а потому попросил Шулека «как можно быстрее» выпустить книгу.⁶³ Таким образом, в начале 1840-х гг. Шулека можно считать доверенным лицом Берлича в Загребе, а переиздание «Грамматики» оказалось полностью в его руках.

⁵⁷ Берлич не дописал два грамматических раздела. Вероятно, это было связано со спешкой автора для отправки рукописи книги епископу Сепеши, а после несостоявшейся публикации Берлич решил уже не дописывать грамматическую часть, сконцентрировавшись на предисловии и практической части.

⁵⁸ Богуслав Шулек был этническим словаком и происходил из села Соботишт (совр. Соботиште, Словакия) на северо-западе Венгерского королевства (в составе Австрийской империи).

⁵⁹ Berlich 1842: XVI.

⁶⁰ Он же по-хорватски Франьо Жупан, а по-венгерски Ференц Зуппан. Следует заметить, что Франц Зуппан происходил с Военной границы и после покупки типографии в Загребе (1826 г.) печатал в том числе издания деятелей движения иллиризма.

⁶¹ Brlić 1942: 39.

⁶² *Ibid.*

⁶³ *Ibid.*: 40.

Тем не менее, в предисловии к третьему изданию Берлич объяснял переиздание грамматики в 1842 г. предшествовавшей этому деятельностью Людевита Гая и развитием иллиризма, благодаря чему южные славяне «больше не стыдятся их национальности и языка», а «поселившиеся в их землях иностранцы могут учить их язык». ⁶⁴ В этой фразе заметна скрытая полемика всё с тем же печским епископом Сепеши (см. выше), как будто Берлич именно ему пытался доказать право южных славян на свой язык и то, что представителям других народов учить этот язык не зазорно.

При этом, рассказав про Гая, Берлич в предисловии к третьему изданию (написано в июне 1849 г.) уже нигде не упоминал Шулека и его помощь при переиздании грамматики в 1842 г., что резко контрастирует с рассмотренным выше предисловием ко второму изданию. Такое неожиданное полное забвение Шулека, по-видимому, стало результатом расхождения во взглядах на развитие иллиризма с Берличем, что произошло примерно в середине 1840-х гг., а далее лишь усиливалось. Из писем Игнаца к сыну Андрии можно узнать, что гнев первого на Шулека был вызван тем, что тот примкнул к ближайшему окружению Гая, полностью поддерживая его лингвистические взгляды, и начал критиковать Караджича. ⁶⁵

Необходимо заметить, что несмотря на его симпатии к иллиризму как объединительному движению для южных славян, Берлича не совсем устраивала языковая реформа загребского кружка Людевита Гая. ⁶⁶ В первом издании «Грамматики» Берлич еще не упоминал работы Гая, ⁶⁷ зато в следующих двух переизданиях уже критиковал языковую политику Гая и его сторонников, ⁶⁸ хотя и выражал поддержку их общественно-политической деятельности. ⁶⁹ Кроме того, во второй половине 1830-х и в 1840-е гг. Берлич вёл полемику с загребскими «иллирами» на страницах сначала их изданий, ⁷⁰ а затем – задарской газеты „*Zora dalmatinska*“ (в 1844–1847 гг.). ⁷¹

Из письма Берлича сыну от 15 марта 1848 г. следует, что именно полемика с загребскими «иллирами» стала главной причиной решения первого снова переиздать «Грамматику». В самой эмоциональной части письма Берлич провозглашал целью его грамматики защиту родного «красивого и славного языка» от деятельности загребских лидеров иллиризма, которые «коверкают» этот язык. ⁷² Однако следует обратить внимание на два других места в этом письме. Во-первых, Берлич отдельно

⁶⁴ Berlich 1850: VI.

⁶⁵ Brlić 1942: 123; *Id.*: 156.

⁶⁶ См.: Murray-Desplatović 2016; Dronov 2018.

⁶⁷ Гай издал «Краткую основу хорватско-славянского правописания» („*Kratka osnova hrvatsko-slavenskoga pravopisanja*“) в 1830 г., поэтому Берлич, по-видимому, не успел с ней ознакомиться до выхода его собственной книги.

⁶⁸ Несмотря на выбор Гаем штокавского диалекта в качестве литературной нормы для хорватского языка, Берлич называл его и в целом загребских идеологов иллиризма «кайкавцами».

⁶⁹ Berlich 1842: XVII. *Id.* 1850: V–VI.

⁷⁰ Главным оппонентом Берлича в газете Гая „*Danica ilirska*“ был филолог Векослав Бабукич (1812–1875), тоже являвшийся уроженцем Славонии (из Пожеги) и единственный из лидеров загребских «иллиров», для кого штокавский диалект был родным. Бабукич выступал против выбора вуковицы в качестве основного алфавита для «иллирского» языка и доказывал важность латиницы для хорватов.

⁷¹ Matičević 1995.

⁷² Brlić 1942: 164.

осуждал «фантазера» Бабукича за то, что тот «далеко отошел» в «грамматике»⁷³ от «народного языка».⁷⁴ Здесь заметно, что Берлича особо волновала деятельность именно его земляка из Славонии (среди других лидеров загребских «иллиров»), а потому третье издание «Грамматики» можно рассматривать как ответ лично Бабукичу в рамках их полемики. Во-вторых, Игнац сообщал сыну, что хотел уже сдать книгу в работу (в типографию), но «вспомнил», что в печать была отправлена «Сербская грамматика»⁷⁵ Йована Суботича (1817–1886),⁷⁶ а потому решил подождать, когда она выйдет из печати, чтобы из нее «чему-то поучиться».⁷⁷ Отсюда можно предположить, что третье издание «Грамматики» Берлича не было связано с революционными событиями 1848–1849 гг. в Австрийской империи и было готово к печати уже накануне революции.

В предисловии к третьему изданию «Грамматики» (июнь 1849 г.) Берлич объяснял ее очередное переиздание востребованностью у читателя, в подтверждение чего сообщал, что «между первым и вторым изданиями даже не уследил», что Игнац Кристьянович (1796–1884)⁷⁸ «свою „Грамматику хорватского наречия“⁷⁹ полностью списал» у него, но при этом «не указал ее в качестве источника».⁸⁰ Если это так, то грамматика Берлича была хорошо известна среди южнославянских интеллектуалов и оказала влияние на написание некоторых последующих грамматик.

Таким образом, «Грамматика иллирского языка» (1833) стала серьезной заявкой Берлича на участие в дискуссии интеллектуальной элиты южных славян Австрийской империи 1830–1840-х гг. о путях национальной консолидации и кодификации литературного языка. Если первое издание книги было вызвано стремлением автора доказать венграм важность и равноправие «иллирского» языка с венгерским и немецким, то переиздания грамматик начала и конца 1840-х гг. явились результатом как популярности этого учебного пособия, так и желания автора продолжать в рамках иллиризма отстаивать свою точку зрения на дальнейшее языковое, национальное и культурное развитие, чувствуя интерес читателей и поддержку части крупных интеллектуалов. Понимание было и внутри семьи Берлича – его старший сын Андрия Торкват, занимавшийся общественно-политической деятельностью, продолжил дело отца и в 1854 г. издал в Вене уже свою «Грамматику иллирского языка».⁸¹

⁷³ Скорее всего речь идет не только о книге Бабукича «Основа грамматик славянской наречия иллирского» („Osnova slovnice slavjanske narječja ilirskoga“, 1836), но и о его работе 1846 г. «Несколько слов о правописании», которую, видимо, и критикует Берлич.

⁷⁴ Brlić 1942: 163.

⁷⁵ Из-за событий революции 1848–1849 гг. в Австрийской империи книга не была напечатана и осталась в рукописи.

⁷⁶ Йован Суботич (1817–1886) – австрийский подданный и сербский юрист, писатель, публицист и политик. В 1842–1847 гг. являлся издателем печатного издания австрийских сербов «Летопис Матице српске».

⁷⁷ Brlić 1942: 164.

⁷⁸ Игнац Кристьянович (1796–1884) – австрийский подданный и хорватский католический священник и лингвист, впоследствии епископ, родился и жил в Загребе, писал на кайкавском диалекте.

⁷⁹ Берлич имел в виду книгу Кристьяновича „Grammatik der Kroatischen Mundart“ (1837).

⁸⁰ Berlich 1850: VII.

⁸¹ Berlić 1854.

3. Проблема заимствований в «Грамматике» Берлича

В «Грамматике иллирского языка» (1833) после собственно грамматической части, которая разделена на три большие главы и занимает почти всю книгу, автором приводятся дополнительные материалы: «Наиболее употребительные слова» (разделены на тематические части), «Фразы», «Разговоры» (учебные диалоги на конкретную тему), «Различные фразы и выражения», «Поговорки», «Пословицы» и «Анекдоты»,⁸² басни и рассказы).

При этом во втором издании книги (1842) грамматическая часть была расширена до четырех глав, а дополнительные материалы были выделены в «Практическую часть». Этот раздел состоял из тех же материалов, что и в первом издании грамматики, но в самом его начале автор вставил текст «Мир в картинках» чешского педагога Яна Амоса Коменского (1592–1670) на немецком и «иллирском» языках. Такое добавление детского учебника (правда, без иллюстраций), очевидно, предполагало использование грамматики Берлича для детского образования и воспитания. Сам автор в предисловии ко второму изданию объяснил вставку пособия Коменского тем, что «обучающиеся могли бы им пользоваться вместо хрестоматии».⁸³ Можно предположить, что учебник Коменского в грамматику Берлича мог посоветовать добавить Богуслав Шулек, который в 1850-е гг. выпустил целый ряд учебников и пособий для детей и школ. Кроме того, возможно, что первое издание грамматики использовалось в качестве школьного учебника (или для домашнего обучения детей). Нужно отметить, что третье издание грамматики (1850) по структуре полностью повторяло второе.

Особого внимания заслуживают «Разговоры» и «Анекдоты, басни и рассказы», содержащие небольшие законченные тексты. Как выяснилось в ходе текстологического анализа этих разделов «Граматики», Берлич в основном заимствовал приводимые им тексты из книг других авторов.

После первого издания «Граматики» (1833), которое уже содержало несколько Эзоповых басней,⁸⁴ Берлич заинтересовался работами дубровчанина Джуре (Юрая) Ферича (1739–1820), который переводил на хорватский басни Эзопа, Федра, а также сам писал басни на основе южнославянского фольклора. Берлич приобретал работы Ферича и опубликовал многие басни последнего в «Иллирском календаре». Надо заметить, что Берлич хорошо разбирался, какой контент лучше подходит для какой страты общества. Так, в письме сыну он писал в 1845 г., что «народ обучается через смешные штучки, люди ищут Эзоповы басни, ищут Сатира Рельковича,⁸⁵ ищут каждый год календарь; чем смешнее – тем популярнее, из нового ищут песенники⁸⁶ –

⁸² «Анекдоты» во второй половине XVIII – первой половине XIX в. публиковались в изданиях различного типа: газетах, журналах, альманахах, календарях и т.п.

⁸³ Berlich 1842: XV.

⁸⁴ Вполне возможно, эти басни были взяты из книги Meißner 1791. Также Берличу были известны переводы Эзоповых басен Рельковича.

⁸⁵ Имеется в виду литературное сатирическое произведение Рельковича «Сатир или дикий человек» (1761).

⁸⁶ У Берлича „pisma“ – можно перевести на русский как «сборник песен» или «сборник стихов».

ничего другого народ не хочет читать, он ещё дитя, он хочет забавляться».⁸⁷ Хорватский литературовед М. Татарин заметил, что в отличие от газеты „*Danica*“ Гая, целевой аудиторией которой было высшее общество и интеллектуалы, Берлич, издавая «Иллирский календарь», ориентировался на широкие слои населения.⁸⁸

Однако, несмотря на то, что свой «Календарь» Берлич старался сделать максимально интересным простому народу и подбирал к нему занимательные тексты, учебные материалы в «Грамматике», в том числе и басни, во втором и третьем изданиях почему-то не претерпели никаких изменений или дополнений. Возможно, Берлич, хорошо понимавший, как привлечь читателя, не считал практические тексты в его «Грамматике» важным инструментом для этого. Можно предположить, что грамматика задумывалась как этап обучения читателя родному языку, а календарь, как второй этап, должен был служить просвещению населения через знакомство его с южнославянскими литературой и фольклором.

Главными действующими лицами «разговоров» являются представители верхушки общества, его гражданской и военной элиты, а их основные темы обсуждения – заботы об образовании детей, общение с прислугой, офицерские будни, быт и досуг офицерской / чиновничьей семьи, в частности, посещение театральных представлений.⁸⁹ При этом в 1837 г. венгерский статистик А. фон Фенеш оценивал количество людей знатного происхождения на Военной границе как «не более 833 человек»⁹⁰ или всего 0,07% населения. Тогда как во всём Венгерском королевстве, согласно той же статистике, знать составляла 4,87% населения.⁹¹

Тем не менее, источником заимствований текстов «разговоров» стала книга венгерского историка и поэта графа Яноша Майлата (1786–1855) «Практическая немецкая грамматика для немцев, в вопросах и ответах».⁹² После сопоставления двух учебных пособий можно сделать вывод, что «разговоры» в «Грамматике» Берлича практически идентичны «разговорам» в учебнике Майлата, но при этом в книге Берлича имеются два «разговора» (№ 11 «О правописании» и № 12 «О славонском языке»), отсутствующие у Майлата. Однако, на наш взгляд, их авторство нельзя автоматически приписывать Берличу, т.к. эти тексты, несмотря на их названия, вполне универсальны как и предыдущие. Даже текст с названием «О славонском языке» (в

⁸⁷ Brlić 1942: 84–85.

⁸⁸ Tatarin 2006: 107–141.

⁸⁹ Первый публичный театр на территории королевства Хорватии и Славонии начал действовать в Загребе с 1797 г. Это был драматический театр, в котором давали представления гастролирующие труппы, а основным языком представлений был немецкий. Однако этот первый театр не имел постоянной площадки. Тогда как первое постоянное здание театра появилось в Загребе лишь в 1834 г. В других городах королевства давали представления гастролирующие труппы на временных сценах. Богатые люди могли позволить себе частные театры. Кроме того, в городах Славонии иезуиты и францисканцы открывали школьные театры при своих учебных заведениях. А среди простого люда Славонии были популярны любительские постановки, преимущественно комедийного жанра. В переводах диалогов на «иллирский» язык Берлич сделал пояснения для читателя к театральным терминам.

⁹⁰ *Agrarier Zeitung*, 2 IV. 1845.

⁹¹ *Ibid.*

⁹² Mailath 1832.

издании грамматики 1850 г. этот текст называется «Об иллирском языке»⁹³) имеет вполне универсальную основу, в которой можно просто заменить одно название языка на другое, ведь в «разговоре» № 12 нет никакой информации об особенностях названного языка или его сопоставления с другими. Для сравнения можно посмотреть на аналогичный «разговор» в учебнике итальянского языка для немцев (1826 г.) почти современного «Грамматике» Берлича. Этот «разговор» называется идентично («Об итальянском языке»), однако содержит рассуждения о различных диалектах языка, их истории, а также известных авторах древности (ещё римского периода).⁹⁴ Поэтому если Берлич сам был автором разговора «О славонском языке», то выглядит странным, что он не включил в данный диалог подобной специфики.

Кроме того, при копировании текстов «разговоров» в отдельных случаях Берлич сделал некоторые изменения. Так, второй «разговор» был сокращен путем отсечения концовки диалога.⁹⁵ Окончание четвертого разговора между офицерами у Берлича отличается от текста Майлата тем, что Берлич изменил фразу «Вы не участвовали в походе Р.?» на «Вы не участвовали в турецком походе?» («Haben Sie nicht den Feldzug von R. mitgemacht») заменил на «Haben Sie nicht den türkischen Feldzug mitgemacht». (Подчеркивания мои. – *А.Д.*).⁹⁶ Возможно, таким образом Берлич пытался несколько приблизить текст к реалиям Военной границы, для населения которой были актуальны военные операции против турок. В остальном же все тексты в обоих учебных пособиях практически полностью идентичны.

Боваль	Майлат/ Берлич
Der Herr und sein Bedienter	Der Herr und sein Bedienter
Der Herr, die Frau und das Stubenmädchen	Der Herr, die Frau und das Stubenmädchen
«Liebe Frau! Was beliebt dir? Kaffeh oder Thee?»	«Liebe Frau! Was beliebt dir? Kaffee oder Thee?»
Der Bedienter und das Stubenmädchen	---
Das Stubenmädchen und die Kinder	Das Stubenmädchen und die Kinder
«Heraus, heraus, junge Herren, stehen Sie auf! der Kaffeh wartet auf Sie»	«Heraus, heraus, junge Herren, stehen Sie auf! der Kaffee wartet auf Sie»
«Es ist gleich acht Uhr. Unser Zeichenmeister wird kommen»	---
Der Zeichenmeister und die Kinder	---
Die Kinder unter sich	---
Zurückkunft der Ueltern, und Empfangung der Kinder	---

Таблица 1

⁹³ Berlich 1850: 390.

⁹⁴ Rossi 1826: 230–234.

⁹⁵ Berlich 1833: 338.

⁹⁶ *Ibid.*: 345.

При этом в своей книге Майлат указал на источник, откуда он взял диалоги: это некое «немецко-французское пособие» для изучения языка французского лингвиста Франца Боваля. Знакомство с работами последнего натолкнуло на мысль, что Майлат, скорее всего, заимствовал тексты из книги Боваля «Разговоры для общественной жизни», которая издавалась в трех томах («Утренние разговоры», «Дневные разговоры» и «Вечерние разговоры»).⁹⁷ В таблице 1 приведено сопоставление названий «разговоров» из «Утренних разговоров» Боваля, объединенных под названием «Первое утро», и их аналогов из грамматик Майлата и Берлича.

Как видно из таблицы, Майлат из 10 «разговоров» Боваля выбрал лишь 5, т.е. половину. В результате, из цельного сюжета Боваля «Первое утро» Майлат выбрал отдельные «разговоры» и не стал их как-то отделять от других разговоров. В частности, не были заимствованы «разговоры» про приглашаемого к детям учителя рисования. Из следующего сюжета Боваля «Второе утро», имеющего 11 «разговоров», Майлат выбрал лишь один (самый первый). Из дальнейших сюжетов Боваля, в т.ч. «дневных» и «вечерних» разговоров, заимствования Майлата также носят эпизодический характер. Нужно сказать, что заимствования у французских авторов в то время были широко распространены.⁹⁸

На основе данной цепочки заимствований можно сделать следующие выводы. Во-первых, герои «разговоров» в книге Берлича были исходно не только не южными славянами (границарами, славонцами и т.д.) или венграми, но даже и не австрийскими подданными, а, вероятно, французами или немцами Германских земель. Во-вторых, избирательный подход Майлата при выборе «разговоров» из книг Боваля перешел и в «Граматику» Берлича, тем самым урезав ту картину современного ему общества рубежа XVIII – XIX вв., какую в своих «Разговорах» пытался показать Боваль. Из этих двух выводов можно заключить, что интерпретация среза общества по «разговорам» грамматики Берлича возможна лишь с существенными поправками на первоначальные источники этих текстов. Причину заимствований текстов именно у Майлата Берлич объяснял лишь в предисловии к третьему изданию книги, увязывая с отказом в печати того самого епископа Сепеши,⁹⁹ тем самым намекая, что для венгерской цензуры он решил взять тексты из работы венгерского автора.

В разделе «Анекдоты, басни и рассказы» первый сюжет посвящен истории из жизни императрицы-королевы Марии Терезии, а пятый – ее сына Иосифа II (про одно из его путешествий инкогнито¹⁰⁰), которые показаны как особо милостивые к своим подданным монархи. Можно предположить, что наличие панегирических историй про монархов из правящего дома Габсбургов в учебных и просветительских пособиях, издававшихся на территории монархии, было если не обязательным, то

⁹⁷ Beauval 1813; *Id.* 1818.

⁹⁸ В 1812 г. хорватским священником и филологом Шиме Старчевичем (1784–1859) была переведена с немецкого и адаптирована под «иллирский» язык грамматика французского языка филолога-романиста и лексикографа Доминика-Жозефа Мозена (1769/1771–1840). Под авторством Старчевича она получила название «Новая иллирско-французская грамматика». См.: Starcsevich 1812. С этой книгой был также знаком Берлич.

⁹⁹ Berlich 1850: IV.

¹⁰⁰ На тему путешествий инкогнито Иосифа II см.: Gräffer 1848. Czernin 2021.

желательным для прививания уважения к представителям правящей династии и воспитания верноподданнических чувств среди населения.

В рассказе про Марию Терезию сообщается, что она однажды посетила кадетский корпус, где ей представили воспитанника из Далмации, некоего Вукасовича, как лучшего в фехтовании. Государыня наградила его 20-ю дукатами. Через несколько дней императрица снова приехала в корпус и поинтересовалась, на что юноша потратил эти деньги. Оказалось, что все деньги тот отправил отцу, лейтенанту в отставке, который жил без пенсии и бедствовал. Узнав об этом, Мария Терезия приказала назначить отцу кадета ежегодную большую пенсию, а самому Вукасовичу снова выдать 20 дукатов.¹⁰¹

Следует заметить, что данная история про Марию Терезию и Вукасовича в конце XVIII – первой половине XIX в. имела широкое распространение и встречается в источниках разных жанров. С чем же это было связано? Логично было бы предположить, что герой данной истории был в ту эпоху широко известной личностью, поэтому упоминание о нем сразу вызывало нужные ассоциации. И действительно, насколько удалось выяснить, данная история произошла в Военной академии в Винер-Нойштадте¹⁰² в молодые годы уроженца Военной границы фельдмаршал-лейтенанта барона Йозефа Филиппа фон Вукасовича (1755–1809),¹⁰³ проходившего там обучение.¹⁰⁴ Правда, его отец Петар Вукасович вышел в отставку в звании майора, а не лейтенанта. Скорее всего, эта неточность (как и в случае с количеством дукатов) стала следствием многократных пересказов данной истории с искажением отдельных деталей повествования. Надо заметить, что такой подробный разбор данного учебного текста вызван тем, что это единственный (!) текст в «Грамматике» Берлича, героями которого являются южные славяне (и граничары).

При этом, несмотря на все очевидные заимствования, переводы данных текстов «Практической части» грамматики с немецкого на «иллирский» сделал, по-видимому, сам Берлич. К этому выводу подводит то обстоятельство, что в книге Майлата, например, приведено имя переводчика на венгерский язык, тогда как Берлич не дал никакой информации о переводчике и указывал в частной переписке, что написал текст своей книги без помощника.

* * *

На основе анализа вводной и практической частей «Грамматики иллирского языка» Берлича в контексте его просветительской деятельности, а также личных контактов с другими интеллектуалами Австрийской империи и соседних с ней стран, можно заключить, что данная книга рассматривалась автором не только как языковой учебник для немецкого, южнославянского и др. населения, но и как вариант кодификации общего для части южных славян «иллирского» (или «нашкого») языка.

¹⁰¹ Berlich 1833: 367–368. Существовал вариант данной истории, когда первоначально Мария Терезия дает Вукасовичу 12 дукатов, а второй раз удваивает денежное вознаграждение до 24 дукатов.

¹⁰² Нужно сказать, что Мария Терезия не только основала военную академию в Винер-Нойштадте (1751), но и заложила основы государственного попечения над ветеранами и инвалидами.

¹⁰³ Австрийский генерал, участник Наполеоновских войн, погиб в битве при Ваграме.

¹⁰⁴ Svoboda 1894: 133. Также см.: Shek Brnardić 2017.

При этом из анализа учебных текстов «Грамматики», заимствованных им из других источников и переведенных на «иллирский» язык, и того факта, что автор не стал их менять или дополнять новыми текстами при переизданиях грамматики, видно, что Берлич делал упор на самую грамматическую часть его книги, которую он расширял и дорабатывал, т.е. основной целью было обучение читателя самому «иллирскому» языку. Тогда как для решения задач по культурному просвещению южнославянского населения Берлич использовал издания других жанров (например, «иллирский календарь»). Таким образом, посвящая свою грамматику «немцам», автор не собирался их знакомить с культурой или историей южных славян (носителей «иллирского» языка). Тогда как для возможных читателей грамматики южнославянского происхождения, которых он называл «соотечественниками» («земляками»), автор сделал отдельное обращение, которое он перерабатывал при переизданиях книги.

В этом обращении к «соотечественникам» («землякам») Берлич пытался решить (возможно, и для себя в том числе) проблему двух типов письменности, параллельно существовавших в его родном регионе. Под влиянием работ Вука Караджича Берлич стал сторонником вуковицы и фонетического типа письма. Однако парадокс Берлича в том, что он рекламировал вуковицу в предисловиях к переизданиям своей грамматики, где использовал латиницу для «иллирского» языка. Таким образом, на практике Берлич противоречил декларируемой им позиции по вопросу выбора типа письменной графики, что, возможно, было связано с его католической верой и нежеланием ассоциироваться с сербами. В движении иллиризма он пытался занять свою особую нишу и всё-таки сохранить преемственность с наследием католических интеллектуалов Славонии XVIII в.

Эта проблема двух типов письменности была характерна для всей Хорватско-славонской военной границы, а потому изучение взглядов Берлича как уроженца Военной границы может помочь лучше понять процессы национального размежевания или, наоборот, консолидации, проходившие среди граничарского населения в XIX в. Кроме того, использование Берlichem таких понятий как «язык католиков», «письменность на католической основе», «кириллический национальный алфавит» и т.п. свидетельствует о необходимости ввести в научный оборот термин «письменно-графическая идентичность» для обозначения явления, когда письменная графика (например, тип алфавита) является определяющим фактором, на котором строится идентичность человека, а также определение им других людей в контексте «свой – чужой». Данный термин применим к регионам, где два или более типа письменной графики конкурируют между собой.

В целом на основе настоящего исследования можно сделать вывод, что как сама «Грамматика иллирского языка», так и другое письменное наследие Игнаца Алоиза Берлича представляет собой пример славонского или граничарского варианта иллиризма, во многом являвшегося альтернативным известному загребскому иллиризму кружка Людевита Гая и его культурных учреждений и периодических изданий, а потому заслуживает дальнейшего изучения.

REFERENCES:

Sources:

- Beauval, F. *Gespräche für das gesellschaftliche Leben*, Erstes Bändchen. *Abendgespräche*, Dritte verbesserte und wohlfeilere Auflage, Dresden, 1813.
- _____. *Gespräche für das gesellschaftliche Leben*, Erstes Bändchen. *Morgengespräche*, Dritte verbesserte und wohlfeilere Auflage, Dresden, 1818.
- Berlich, I. A. *Grammatik der illyrischen Sprache, wie solche in Bosnien, Dalmatien, Slawonien, Serbien, Ragusa etc. dann von den Illyriern in Banat und Ungarn gesprochen wird*, Ofen: König. Ungar. Universitäts-Schriften, 1833.
- _____. *Grammatik der illyrischen Sprache, wie solche in Dalmatien, Kroatien, Slawonien, Bosnien, Serbien, und von den Illiriern in Ungarn gesprochen wird*, Zweite Auflage, Agram: Franz Suppan, 1842.
- _____. *Grammatik der illyrischen Sprache, wie solche in den südslawischen Ländern Serbien, Bosnien, Slavonien, Dalmatien, Kroatien und von den Illiriern und Serben in Ungarn und der Vojvodina gesprochen wird*, Dritte Auflage, Agram: Franz Suppan, 1850.
- Berlić, A. T. *Grammatik der illyrischen Sprache, wie solche im Munde und Schrift der Serben und Kroaten gebräuchlich ist*, Wien: Mechitharisten-Buchdruckerei, 1854.
- Gräffer, F. *Josephinische Curiosa oder ganz besondere, theils nicht mehr, theils noch nicht bekannte Persönlichkeiten, Geheimnisse, Details, Actenstücke und Denkwürdigkeiten der Lebens- und Zeitgeschichte Kaiser Josephs II*, Wien: Klang, 1848.
- Grimm, J. *Wuk's Stephanowitsch kleine Serbische Grammatik*, Leipzig und Berlin: Reimer, 1824.
- Hietzinger, C. B., Stopfer, M. *Lehrbuch über die Statistik der Militär-Gränze des österreichischen Kaiserthums*, Gratz: Kienreich, 1840.
- Janossovich, M. *Neue Einleitung zur Slavonischen Sprache mit einem nützlichen Wörter- und Gesprächsbuche, auch einem Anhang verschiedene deutscher und slavonischer Briefe und einem kleinen Titularbuche versehen*, Esseck: Johann Martin Diwalt, 1778.
- Mailath, J. *Praktische ungarische Sprachlehre für deutsche, in Fragen und Antworten. Nebst einer Auswahl deutsch-ungarischer Gespräche für das gesellschaftliche Leben*, 2. Ausg. Pest: Hartleben, 1832.
- Meißner, A. G. *Aesopische Fabeln für die Jugend*, Prag und Leipzig: Schönfeld-Meißnerschen Buchhandlung, 1791.
- Relkovich, M. A. *Nova slavonska, i nimacska Grammatika. Neue Slavonisch- und Deutsche Grammatik*, Agram: Anton Jandera, 1767.
- Rossi, J. A. *Italienische Sprachlehre für Deutsche*, Grätz: Penz, 1826.
- Šafařík, P. J. *Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten*, Ofen: König. Ungar. Universitäts-Schriften, 1826.
- Starcevič, S. *Nova ricsôslovaica ilirisko-francêzka na potribovanje vojničke mladosti iliriciskih darxavah*, Tarst: Gaspar Weis, 1812.
- Svoboda, J. *Die Theresianische Militär-Akademie zu Wiener-Neustadt und Ihre Zöglinge*, Bd. I., Wien: K.K. Hof- und Staatsdruckerei, 1894.
- Thaddianovich, B. *Svaschta po mallo illiti kratko sloxenyje immenah, i ricsih ú illyrski, i nyemacski jezik*, Po drugi Put Stampana, Troppava: Ivan Vinko Schindler, 1766.

Published sources:

- Berlić, I. A. *Pisma sinu Andriji Torkvatu 1836–1855 s predgovorom i bilješkama*, knj. 1, Zagreb: UNION, 1942.
- Vukova prepiska*, knj. 1, Beograd: Državna štamparija Kraljevine Srbije, 1907. (Serbian Cyrillic)
- Vukova prepiska*, knj. 5, Beograd: Državna štamparija Kraljevine Srbije, 1910. (Serbian Cyrillic)

References:

- Auty, R. 'The linguistic work of Ignjat Alojzije Brlić (1795–1855)', *Filologija*, 1962, 3, 5–22.
- Czernin, M. *Der Kaiser reist inkognito. Joseph II. und das Europa der Aufklärung*, München: Penguin Verlag, 2021.
- Dronov, A. M. 'Ot illirizma k horvatizmu v Avstrijskoj imperii pervoj poloviny XIX veka', *Slavyanovedenie*, 2018, 1, 55–69. (Russian Cyrillic)
- Frejdzon, V. I. *Naciya do nacional'nogo gosudarstva. Istoriko-sociologicheskij ocherk Central'noj Evropy XVIII v. – nachala XX v.* Dubna: Feniks, 1999. (Russian Cyrillic)
- Havanova, O. V. 'Izvestite menya pis'mom! Sovremenniki ob osnovanii biblioteki Ferenc Secheni', *Slavyanovedenie*, 2015, 3, 106–107. (Russian Cyrillic)
- _____. 'Opyt sozdaniya pervyh grammatik v monarhii Gabsburgov: chastnaya iniciativa i reguliruyushchee vmeshatel'stvo gosudarstva (1760–1770-e gody)', in: O. V. Havanova (ed.), *Central'noevropejskie issledovaniya*, Moscow, Saint-Petersburg, 2019, 2, 137–157. (Russian Cyrillic)
- Kolak Bošnjak, A. 'Pokušaji uvodenja mađarskoga jezika u hrvatske škole u prvoj polovici 19. stoljeća', *Pannoniana: Časopis za humanističke znanosti*, 2017, 1(2), 43–58.
- Lakić, Z. *Arhiv obitelji Brlić. Slavonski Brod. 1730.–2000. Sumarni inventar. Inventarni popis arhivskog gradiva nastao tijekom njegove pripreme za mikrofilmiranje u državnom arhivu u Slavonskom Brodu*, Slavonski Brod: Državni arhiv u Slavonskom Brodu, 2000.
- Matičević, I. 'Pisci iz Slavonije u Zori dalmatinskoj', in: Š. Batović (ed.), *Zora dalmatinska (1844–1849)*, Zadar: Matica hrvatska, 1995, 339–364.
- Mihailović, G. *Srpska bibliografija XVIII veka*, Beograd: Narodna biblioteka SR Srbije, 1964. (Serbian Cyrillic)
- Murray-Desplatović, E. *Ljudevit Gaj i ilirski pokret*, Zagreb: Srednja Europa, 2016.
- Ninković, N. 'Reforma srpskog školstva u Habzburškoj monarhiji 1769–1777', *Istraživanja*, 22, 2012, 167–183. (Serbian Cyrillic)
- Novaković, S. *Srpska bibliografija za noviju književnost 1741–1867*, Beograd: Državna Štamparija, 1869. (Serbian Cyrillic)
- Pranjković, I. *Hrvatski jezik i franjevci Bosne Srebrene*, Zagreb: Matica Hrvatska, 2000.
- Shek Brnardić, T. 'The Upbringing of Competent and Patriotic Officers: Military Education at the Theresian Military Academy in Wiener Neustadt (1752–1805)', *Povijesni prilozi*, 53, 2017, 109–132.
- Tatarin, M. 'Uloga pučkih kalendara u stvaranju hrvatske čitateljske publike (Kalendar Ignjata Alojzija Brlića)', in: Kr. Bagić (ed.), *Raslojavanje jezika i književnosti: zbornik radova 34. seminara Zagrebačke slavističke škole*, Zagreb, 2006, 107–141.
- Tolstoj, N. I. 'Kul'turno- i literaturno-istoricheskie predposylki obrazovaniya nacional'nyh literaturnyh yazykov (na materiale serbskohorvatskogo, bolgarskogo i slovenskogo yazykov)', in: *Formirovanie nacij v Central'noj i Yugo-Vostochnoj Evrope. Istoricheskij i istoriko-kul'turnyj aspekty*, Moscow: Nauka, 1981, 122–134. (Russian Cyrillic)
- Vončina, J. 'O postanku i načelima Relkovićeve Nove slavonske i nimačke gramatike', in: D. Pavličević (ed.), *Vojna krajina: povijesni pregled – historiografija – rasprave*, Zagreb: Sveučilišna naklada Liber, 1984.
- Wurzbach, C. *Biographisches Lexikon des Kaiserthums Oesterreich*, Zweiter Theil, Wien: K.K. Hof- und Staatsdruckerei, 1857.

Periodicals:
Agramer Zeitung
Der Oesterreichische Zuschauer
Serbskij ljetopis, 3, 1833 (Serbian Cyrillic)

ALEXANDER MIKHAILOVICH DRONOV

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

**THE “GRAMMAR OF THE ILLYRIAN LANGUAGE” (1833)
BY IGNAZ BERLIĆ AS A CULTURAL PHENOMENON OF THE ERA
OF “NATIONAL REVIVAL” AMONG THE SOUTHERN SLAVS
OF THE AUSTRIAN EMPIRE**

Summary

The article attempts to consider the “Grammar of the Illyrian language” (1833) by the merchant, writer and linguist Ignaz Alois Berlić (1795–1855) from a historical and cultural point of view. Berlić occupied a special niche in the Illyricism movement, being a representative of the intellectual thought of Slavonia and the Military border. At the same time, he partially abandoned his native Slavonian linguistic and cultural tradition in favor of a broader “Illyrian” one. The author of the article came to the conclusion that Berlić did not intend to acquaint the reader of the book with the history and culture of the Southern Slavs, however, he assumed that not only “Germans”, but also his “countrymen”, for whom this language is native, would be taught the “Illyrian” language according to his grammar. In addition, the article shows that the first edition of the Grammar was influenced by Berlić’s communication with Vuk Karadžić and Jernej Kopitar, while the second edition was influenced by Boguslav Šulek, who, as the author of the article established, was most likely taught Croatian by Berlić’s manual. Drawing attention to the fact that Berlić, in the preface to grammar and its reprints, tried to solve the problem of two types of writing “among one people”, associating them with confessional affiliation, the author of the article suggests introducing the term “written-graphic identity” into scientific circulation.

Keywords: Berlić (Brlić), national revival, Illyrian movement, grammar, Military border, Slavonia, Austrian Empire.

© Faculty of Philosophy, Novi Sad, 2023

ISTRAŽIVANJA – JOURNAL OF HISTORICAL RESEARCHES 34, 78-98